

Китай. Девять бусин ужаса

Ирина Мутовчийская

Ирина Зиновьевна Мутовчийская Китай. Девять бусин ужаса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71883640

SelfPub; 2025

Аннотация

Девушка Линь, чьи корни уходят к первым императорам Китая, отправляется в опасное путешествие. Её цель – побывать в девяти древних столицах страны и собрать воедино императорскую печать, состоящую из девяти нефритовых бусин.

Однако девушка уже давно находится на грани срыва. Таинственный незнакомец, преследующий её с самого детства, снова начинает угрожать ей. На этот раз он использует современные средства связи и забрасывает Линь смс-сообщениями. Смена сим-карт не приносит никакого результата.

Содержание

Синописис	4
Девятая драгоценность из нефрита	10
Много веков спустя	13
За одиннадцать месяцев до начала истории	28
Чжан Ли	40
Врач умер	48
Показываю Пекин	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ирина Мутовчийская

Китай. Девять бусин ужаса

Синописис

Китай гордится тремя драгоценностями-зеленым чаем, гимнастикой цигун и нефритом. Вот о нефрите и пойдет речь в синописе на повесть «Девять бусин ужаса»

Нефрит-камень богов, так считают китайцы. Нефриты есть разные, дорогие и не очень, но есть нефрит, из которого была изготовлена печать небесного императора. По преданиям, этот нефрит дарит бессмертие. Лин Линь-работница нефритовой фабрики и сама не знает о том, что является потомком тех, то владел печатью небесного императора. Девушка обладает паранормальными способностями, но тщательно скрывает это от окружающих.

Странная жизнь девушки иногда превращается в невыносимую. Все детство Лин Линь преследовали тайны. Родители были чересчур строги к девушке и только вмешательство дедушки и бабушки делало жизнь относительно сносной. А потом родители и дедушка с бабушкой погибли. Лин Линь осталась одна. Голоса, звучащие в ее голове, преследовали девочку все ее сознательное детство, пока бабушка и дедушка не перенесли ее кровать в свою спальню.

После гибели родных, ужас, преследовавший ее все детство, возобновился, только теперь ужас превратился в смс угрозы. Лин Линь меняет сим карты, выбрасывает старый телефон и покупает новый, но ничего не помогает. На номер, который знает пока только одна Лин Линь, тут же приходит смс с угрозами. У Лин Линь всего два друга – это ее одноклассники. Однако неведомый мучитель жестоко расправляется с друзьями Лин Линь.

Для окружающих смерть друзей Лин Линь странная и мистическая, для самой Лин Линь – это невыносимое горе и полное одиночество теперь. Неожиданно Лин Линь узнает, что ее бабушка и дедушка были узниками в японском лагере смерти, этот лагерь смерти назывался «Отряд 731». Дедушку и бабушку, так же как остальных семь потомков императора, держали отдельно от остальных узников.

У Лин Линь появляется неожиданный воздыхатель-это друг дальних родственников, который приехал на экскурсию в Пекин и передал Лин Линь привет и маленький подарочек-зеленый чай особенного сорта. Девушка с опаской относится к новому другу Чжан Ли, но все же вынуждена поделиться тревогами с ним. Чжан Ли и Лин Линь отправляются к знаменитому психотерапевту, но во время сеанса гипноза врач умирает. Смерть врача такая же мистическая, как и смерть друзей Лин Линь. А потом новый друг, Чжан Ли, становится свидетелем странной истории с матушкой Ши, подругой бабушки Лин Линь. Именно от матушки Ши, Лин

Линь узнает, что ее дедушка и бабушка были узниками отряда 731.

Чтобы понять все до конца, Чжан Ли и Лин Линь летят в Харбин. Под Харбином находится маленький городок Пинфан, именно на территории Пинфана и базировался отряд 731. Лин Линь умеет переноситься в прошлое, хоть и глушит в себе эту способность. И вот сейчас, в Пинфане, она без труда переносится в прошлое и слышит голоса бабушки и дедушки, которые находятся в качестве узников в камере номер девять. Ужасы Пинфана приводят Лин Линь в бессознательное состояние. Чжан Ли посоветовавшись с доктором решает что пара уезжать из Пинфана. Влюбленные возвращаются в Пекин на самолете.

А потом Лин Линь получает письмо от дедушки, это его последнее письмо. Оно хранилось у доверенного человека и Лин Линь получила его только потому что дедушка погиб. Вот, что было написано в письме. Привожу отрывок из письма.

««Дорогая Линь, дорогая внученька! Если ты читаешь эти строки, значит меня уже нет в живых. Верный человек обещал переслать это письмо тебе, если в течение трех месяцев я не объявлюсь или не пошлю ему весточку! Было бы жестоко оставить тебя один на один с теми вопросами, которые, я уверен, накопились у тебя к этому времени. Я тебе все расскажу, а ты уже будешь мне высшим судьей. Надеюсь, ты не осудишь меня строго.

Наш род, вернее, род твоей бабушки ведет свое начало от императора Хуан-ди. В моих жилах тоже течет кровь императоров, но это уже другая ветвь. С детства, она и я знали, что предназначены друг другу. В отличие от других семейных пар, которые иногда до свадьбы и не видели друг друга, нам повезло. Ты наверно слышала о печати императора Хуан-ди? Эта печать должна была храниться в семье твоей бабушки, но ветры истории много раз создавали такие завихрения, что след печати потерялся. След печати проявился перед войной. Печать оказалась у Пу И-последнего императора Китая. В 1937 году японцы оккупировали Китай. Было создано марионеточное государство Манжоу-го.

Наш последний император Пу-и был вынужден встать во главе этого фарса. Я не знаю, какие способы были применены к Пу И, чтобы он отдал печать. Жестокость этих людей не имеет границ, и я не осуждаю Пу И, я лишь скорблю. Ты наверно слышала о Пинфане, этой цитадели зла? Если не слышала, то отложи письмо и найди все, что можешь о том времени. Прости, но я просто не смогу рассказать тебе об этом. До сих пор меня по ночам мучают кошмары, а воспоминания не оставляют ни на один день. В 1945 году, перед самым приходом русских, нас привезли сначала в Харбин, а потом в Пинфан. В лаборатории номер девять проводились эксперименты над потомками императоров. Нас было девять человек. Семейная пара была только одна – это были мы с твоей бабушкой, остальные шестеро были посто-

ронными друг другу людьми. Девятым, его привезли последним, был мальчик пяти лет.

Печать Хуан-ди была раздроблена на девять кусков. Я не буду рассказывать, какие муки испытывали те, кто оказался прямым потомком Хуан-ди. После того, как нефрит был раздроблен, его грубо обточили до размера бусин и вживили нам. Операционная лаборатории №9 еще помнит наши крики боли. Операцию проводили без анестезии. Я... Прости, я просто не могу удержать свои эмоции в руках. Страшно вспоминать об этом. Среди нас было три женщины. Но послабления не получили и они. Горошины нефрита были вживлены и им. И тоже без всякого обезболивания. После этого над нами проводились всяческие эксперименты. Нас были током, облучали рентгеновскими лучами, замораживали и нагревали те части тела, куда был вживлен нефрит!»

Дедушка потратил годы, чтобы найти бывших узников и собрать бусины нефрита, которые ранее были вживлены в их тела. Бусины были вынуты хирургическим путем. Задачей дедушки были собрать печать императора воедино, потому что пока печать раздроблена, стране угрожает опасность. Однако тот, кто преследовал Лин Линь все ее детство, отдал был полжизни, чтобы завладеть бусинами самому. Поэтому дедушка спрятал бусины в девяти буддийских храмах. Эти храмы находятся на территории девяти городов, которые ранее были девятью древними столицами Китая. Почему дедушка не соединил бусины воедино сам? Потому что

у дедушки нет способностей, которыми обладает Лин Линь. Только она сможет найти священное место, где ей помогут превратить бусины снова в печать императора.

Чжан Ли исчез.

Рыжеволосый юноша, который клялся Лин Линь в любви, уехал к родителям просить благословения и перестал выходить на связь. Лин Линь опять осталась в одиночестве. Она не торопится выполнять инструкции дедушки, но неведомый мучитель начинает охоту на дальних и ближних родственников Лин Линь. Люди гибнут странной смертью. Девушка подозревает, что Чжан Ли не тот за кого себя выдает. Ей кажется, что юноша не человек, а рыжий лис-Кумихо, который может принимать облик человека, но это всего лишь догадки.

Лин Линь тяжело и одиноко, но она ищет по карте пути, которыми сможет посетить древние столицы одну за другой. Пекин-одна из древних столиц, и здесь тоже в одном из храмов лежит бусина. Лин Линь отправляется в путь. Но, к сожалению, ей удастся собрать только восемь бусин. Время поджигает и Лин Линь отправляется с бусинами в горы, там, где по преданиям находится чертог призрачного дворца императора. Именно здесь ей должны помочь превратить бусины в единую печать.

Девятая драгоценность из нефрита

ПРОЛОГ

ЗА ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ ДО НАЧАЛА НАШЕЙ ИСТОРИИ

Владычица Запада принимала роды. С каждым криком роженицы, небо хмурилось все больше и больше. Тучи нависли над головой так низко, что казалось, что до них уже можно достать рукой. Богиня с опаской посмотрела вверх, а потом оглянулась назад. Бесполезно. Три ее придворные дамы, которых она из глупого каприза отправила обратно во дворец, возвращаться не собирались. Это произошло еще до того, как Сиванму обнаружила роженицу. Роженица сломала ногу, карабкаясь по скалам и лежала теперь в расщелине не в состоянии сдвинуться с места. Богиню звали Сиванму, имя роженицы мы не узнаем никогда, потому что она была немой. Императрица назвала ее Упрямицей, потому что даже сейчас, находясь в почти бессознательном состоянии от боли, странная девушка пыталась ползти и показывала головой на вершину горы Кунлунь. На горе находился дворец Сиванму. Богиня была доброй и отзывчивой женщиной, но у нее пока не было детей, да и по возрасту,

она была только лет на пять старше лежащей перед ней девушки. Небо разродилось раньше, чем это произошло с измученной девушкой. Капли дождя, сначала неуверенно, потом все быстрее и быстрее стали падать на землю. Мгновенно похолодало. Сиванму сняла с себя накидку, подбитую мехом, и попыталась подсунуть ее под окоченевшее тело роженицы. Но сделать ничего не смогла, тело было таким тяжелым, что казалось, спустись сюда сам повелитель Востока Дун Вангун, со всем своим двором, охраной и солдатами и, то не смогут они сдвинуть несчастную женщину с места. Поднялся ветер. Лицо роженицы исказила гримаса боли, и она выгнулась дугой. Очнувшись от странного оцепенения, Сиванму попыталась позвать на помощь, но ее голос тут – же утонул в шуме ветра. Не зная, что делать дальше, императрица укутала накидкой ноги несчастной. Как только она сделала это – ветер тут же стих, стих и дождь, но ненадолго, на смену ему пришел снег. Снег падал почти вертикально и уже через десять минут обещал похоронить под снежной пеленой двух застигнутых непогодой женщин. Сверху слышались голоса. Повелитель Востока, обеспокоенный исчезновением жены, отправился вниз, по короткой, но очень опасной дороге. Услышав голос мужа, императрица перевела дух. Уйти от роженицы она не могла, какая-то сила держала ее рядом, но и оставаться здесь с каждой минутой становилось все опаснее и опаснее. Метель в горах невероятно страшная вещь. В тот момент, когда помощь была уже со-

всем близка, спазм боли приподнял роженицу над землей, а может это дрогнула земля, оттого что Упрямица попыталась сесть. Как только она сделала это, началось землетрясение. В воздухе возник гул, и посыпались камни. Кричала свита Дун Вангуна, кричала Сиванму, кричал сам Дун Вангун, боясь потерять свою богиню, не кричала только Упрямица. Наконец, в воздухе возник посторонний звук и словно по волшебству, все остальные звуки стихли. Кричал ребенок, мальчик. Упрямица пошарила рукой и подала Сиванму камень, кромка которого была остро отточена. Богиня взяла камень и недоуменно повертела его в руках. Она была императрицей всей поднебесной, но не умела отсекал пуповину. Но женщина умеет все. Ей может казаться, что она чего-то не умеет. На самом деле силы ее безграничны. Вскоре ребенок был освобожден от пуповины, но что делать дальше, Сиванму не знала и повернулась к Упрямице. Однако на том месте, где только что лежала женщина, остался только след. Зеленый камень повторил контуры тела женщины. Ребенок закричал еще громче и как бы в ответ этому крику вдруг раздался вздох. Вздохнула сама земля. Монолит, который повторил очертания женщины, от этого вздоха вдруг потрескался. Держа в одной руке ребенка, Сиванму наклонилась и свободной рукой подняла зеленый камешек. Этот камень позднее назовут нефритом. А ребенка, Дун Вангун и Сиванму, стали звать своим сыном. И было это очень давно. Богиня Сиванму была тогда еще молоденькой женщиной.

Много веков спустя

И... за двенадцать месяцев до начала нашей истории

Вечер за окном не предвещал ничего плохого. Вечер, как вечер, один из череды тех, что не приносят ничего, кроме сожаления о потраченных впустую часах. Было очень тихо. Из спальни родителей доносилось тиканье часов. Дочитав книгу, я заложила ее закладкой и потянулась к шторам, чтобы задвинуть их на ночь, как вдруг тишину комнаты прорезал звук сотового телефона. Пришло сообщение. Мне вдруг стало страшно. Бросив взгляд на См-с, я похолодела.

«Отсчет пошел, – гласило сообщение, – „Синий бантик“ никогда уже не постучит в твои двери!»

«Синим бантиком» дразнили мою подругу. Когда мы учились во втором классе, она пришла на школьный праздник в бантах невероятно синей окраски. Синий цвет не очень популярен у нас в Китае, его стараются избегать. Однако родители моей подруги, вероятно, решили блеснуть оригинальностью и отправили ее в бантах такого цвета. Прошло много лет. Никто уже и оттенка этих бантов не помнил, а прозвище осталось. Решив, что См-с – это лишь глупый розыгрыш, я

тут же перезвонила подруге. Я уже отчаялась дожидаться ответа, но тут трубку взяли и, мне даже показалось, что я услышала голос подруги «...помоги!». После этого послышались длинные гудки. Я звонила снова и снова, но трубку больше не брали. Когда я села на велосипед, двор был уже пуст. Приближалась полночь. Ночная прохлада охладила мое разгоряченное воображение и лицо.

Ли Юн Хуа

Подруга жила совсем недалеко (по Пекинским меркам). Через двадцать минут я уже была на месте. Подруга никогда не закрывала дверь в квартиру, а от входной двери у меня был ключ. Толкнув дверь, я вбежала в прихожую и с удивлением обнаружила, что в квартире все в порядке. В гостиной бубнил телевизор, где-то тихо играла музыка. Везде был включен свет. Медленно обойдя квартиру, я обратила внимание на то, что свет не горит только в одной комнате-комнате Ли Юн Хуа, моей подруги. Как я и ожидала, Ли Юн Хуа была в своей комнате, но почему-то сидела в темноте. Она не удивилась тому, что я пришла. Даже не обернувшись, она проговорила:

– Это ты Лин Линь? Почему ты так долго шла?

– Но ты же... Что случилось? Объясни мне, наконец!

– Тише! – подруга прижала палец ко рту, – Я его боюсь!

– Кого ты боишься? Да, повернись ты ко мне, наконец!

Но лучше бы я об этом не просила. Лицо моей подруги было вытянутым и белым. Глаза не двигались. Отвернувшись, она снова уставилась в одну точку.

– Ли Юн, я к тебе обращаюсь! Так не поступают с подругами! Ты знаешь, сколько сейчас время!? Я ехала по совершенно пустому Пекину.

Ли Юн что-то ответила, но так тихо, что я не разобрала. Пришлось взять подругу за руку и повернуть к себе. Пере-скакивая с пятого на десятое Ли Юн попыталась рассказать о том, что с ней произошло. Рассказывая, она поминутно по-ворачивалась к одному и тому же месту, которое находилось где-то на стыке двух стен. На мой взгляд там ничего не было, однако Ли Юн так не считала.

– Мне позвонили по сотовому телефону, – наморщив лоб, с трудом проговорила девушка, – кто-то долго смеялся, а потом внезапно отключился. После этого я получила См-с.

Ли Юн внезапно замолчала. Я попыталась разорвать завесу тишины, но сделала только хуже.

– Что было в см-с? Не молчи!

– Он обещал, что медведь вернется! Все так и произошло!

– Какой медведь? – продолжала настаивать я, не обратив внимания на совершенно побелевшие губы Ли Юн, – о чем ты говоришь?

– Ты помнишь его! Тот игрушечный мишка, которого я забыла в парке.

Сейчас, когда Ли Юн напомнила мне, я в подробностях

вспомнила эту историю. Мишку подарили Ли Юн на третий день рождения. Везде и всегда любимая игрушка сопровождала Ли Юн, пока однажды, когда нам было по десять лет, мишка не исчез. Ли Юн думала, что забыла его в парке. Я же думала по-другому, в тот полдень мы гуляли в парке не одни. Это был организованный выход в парк. Помимо нас, в парке был весь наш класс. Естественно, с учителем. Я думаю, что мишку украли прямо из ранца. Было у нас несколько недоброжелателей. Впрочем, дело не в этом. Ли Юн сильно убивалась тогда по своему мишке и даже заболела. И вот сейчас...

– Ли Юн Хуа, возьми себя в руки и постарайся успокоиться! – я попыталась привести подругу в чувство, однако она опять меня не слушала!

– Смотри, Линь! Вот же он! Неужели ты не видишь! Да, вот же он! Он так и не простил мне...

– Ли Юн, да перестань же, ты меня пугаешь! Ли Юн!

Ли Юн вдруг покачнулась и упала. На губах у нее появилась пена. Упав, она по-прежнему пыталась повернуться туда, куда смотрела ранее с таким страхом.

– Как больно, – вдруг прошептала она, – он так и не простил меня! Посмотри Линь, синий огонь, который он метнул в меня, вылетел из телефона. Посмотри Линь, вот же он, стоит в углу и укоризненно качает головой.

Посмотрев в том направлении, о котором говорила Ли Юн, я действительно что-то увидела. Но лишь на мгновение. Сбросив с себя наваждение, я снова повернулась к Ли Юн

Хуа. Подруга так и лежала на полу, глаза ее смотрели в одну точку. Я содрогнулась. Первым моим побуждением было бежать отсюда, но я пересилила себя. Включив свет, я опустилась перед ней на корточки, и попыталась нащупать пульс. Однако все было кончено. Прежде чем вызвать полицию, я подошла к тому месту, куда, даже после смерти, был прикован взгляд моей несчастной подруги. Подойдя туда, где мне недавно что-то показалось, я, конечно же, не увидела ничего потустороннего. Однако кое-что я там нашла. Этим кое-чем оказался сотовый телефон, с которого звонила мне Ли Юн. Но больше с этого телефона никто уже не позвонит. Он был совершенно обуглен.

Полиция приехала очень быстро. Я сбивчиво пересказала всю историю тому, кто меня допрашивал, не забыв упомянуть и про медведя. Когда я указала то место, где мне что-то показалось, в комнате повисла тишина. Фотограф и патологоанатом переглянулись. Я понимала, что создала своими словами образ не совсем нормальной девушки, но скрывать ничего не собиралась. Кто бы ни был человек, запугавший Ли Юн Хуа до смерти, он должен понести наказание.

Когда я вернулась домой, то пожалела, что мне не с кем поделиться происшедшим, но, посмотрев на часы, вдруг обнаружила, что через три часа мне нужно уже собираться на работу, и было бы неплохо подремать хоть часок.

Настал вечер следующего дня. Мне было невыносимо плохо. Я металась по дому, не в силах найти себе место.

Наконец, вскочив на велосипед, я отправилась в ближайший парк. Было время вечерней зарядки. Пожилые люди, сверстники моих бабушки и дедушки, делали плавные движения под музыку. Эта, то ли полужарядка, то ли полутанец, сближала пожилых людей и делала их счастливыми. Я бездумно смотрела на вдохновенные лица и мучительно думала о том, откуда взялось несчастье, свалившееся на мою голову. Кроме Ли Юн Хуа у меня не было подруг. Были приятельницы, были знакомые по работе, но это все было не то. Задумавшись, я вдруг поймала недовольный взгляд одной из пожилых женщин. Звонил мой телефон и звонил наверно уже долго, а я ничего не слышала.

Звонил жених Ли Юн Хуа. Он был совершенно растерян и никак не мог смириться с мыслью, что Ли Юн больше нет. Полчаса назад он вернулся из полиции, где его до тошно допросили. Так как я была последней, кто разговаривал с Ли перед ее странной смертью, то полиция не смогла придраться к молодому человеку. Полицию очень интересовал вопрос, кто был тот неизвестный, запугавший Ли. Жених Ли рассказал, что в тот день не видел Ли Юн, а лишь разговаривал с ней, но доказать ничего не мог. Телефон Ли превратился в спекшийся кусок пластмассы и было совершенно невозможно узнать номер телефона, с которого звонили Ли. Полиция сделала запрос в телефонную компанию, но официальный ответ ждали не раньше завтрашнего дня. Е Сяо, жених Ли Юн, подробно расспросил меня по телефону

о том, что произошло в ту кошмарную ночь, а потом предложил... Встретиться. Я оглянулась вокруг. Пока мы говорили, бабушки, и дедушки уже разошлись. В парке стало темно и заметно похолодало. Я попыталась перенести встречу на завтра, но Е Сяо настаивал, заявив, что находится недалеко от парка.

Е Сяо

Прежде чем я встречусь с Е Сяо, позвольте сделать небольшой экскурс в годы моей школьной жизни. Вернее, к тому моменту, когда мы все трое, Ли Юн Хуа, я и Е Сяо учились в выпускном классе. Так как мы с Ли Юн Хуа были с первого класса не разлей вода, то и первый молодой человек оказался у нас один на двоих. Нам обоим нравился Е Сяо, и он вроде относился к нам обоим одинаково, но, однако, когда пришло время, он выбрал Ли Юн Хуа. Это оказалось ударом для меня, хотя я думала, что готова к такому исходу дела. Мы тогда чуть не рассорились с Ли Юн навсегда. Вот такая банальная история. Но постепенно время расставило все на свои места. Я помирилась с подругой, и время потекло по-старому. Школьные времена давно растаяли в смутной дымке прошлого. Прошло уже восемь лет. Через полмесяца у моей подруги и Е Сяо должна была состояться свадьба и вот...

Мне было безумно жалко Е Сяо, он был совершенно по-

терянный. Говорил только о Ли Юн Хуа и все время забывал, что ее больше нет. Не мог говорить о ней в прошедшем времени. Рассказав обо всем, что знала, я поднялась, чтобы отправиться домой. Однако Е Сяо не захотел меня отпустить. Встав на колени, он стал умолять меня не оставлять его одного сегодня. Что скрывать, Е Сяо нравился мне до сих пор, но то, что он требовал от меня, было невыносимым.

Присмотревшись к молодому человеку, я увидела, что он, ко всему прочему, еще и чем-то напуган. Помимо скорби по невесте, какие-то очень сильные эмоции тревожили его не на шутку.

– Линь, – обратился вдруг Е Сяо ко мне, – давай уедем отсюда! У меня есть деньги!

Предложение настолько возмутило меня, что я задохнулась от негодования.

– Я понимаю, – не обратив внимание на мое молчание, снова заговорил Е Сяо, – что мое предложение кажется тебе чудовищным, но пойми и ты меня! Я не вынесу, просто не вынесу того, что ждет меня впереди. Похороны состоятся, как только полиция разрешит. Я не могу туда пойти, но и не пойти не могу.

Е Сяо вдруг разрыдался, а я смягчилась. Невозможно злиться на человека, который так любил мою подругу.

– Нет. Ты успокоишься и поймешь, что идти надо обязательно, – наставительно проговорила я, – мы вместе пойдем!

– С тобой? – вдруг закричал Е Сяо, – ты хочешь, чтобы

он уничтожил меня, так же, как и ее? Оказывается, ты такая жестокая!

И мой одноклассник вдруг сорвался с места и убежал. А я осталась, озадаченная и опечаленная. Было такое впечатление, что со вчерашнего дня весь мир сошел с ума. Кремация Ли Юн Хуа должна была состояться в четверг, а в среду вечером мне позвонил Е Сяо. Представившись, он долго молчал и вздыхал в трубку. Я уже решила, что он боится завтрашней кремации и попыталась его подбодрить, как вдруг он перебил меня на полуслове, и понес какую-то чушь. Послушав его несколько секунд, я с огорчением поняла, что он совершенно не слушал того, что я говорила.

– Линь, – вдруг обратился он ко мне, – я хочу повторить мое предложение. Давай уедем!

– Куда? – коротко спросила я. Спорить с человеком, находящемся в таком состоянии, было себе дороже, – ты уже продумал маршрут?

– Давай уедем в Америку! У меня там есть родственники!

– А у меня нет. Спокойной ночи Е Сяо.

– Ну, что же, – обреченно прошептал несчастный, – ты только что подписала мне смертный приговор.

Успокоив несчастного жениха, я прервала разговор и, вернувшись, домой, попыталась заснуть. Рассказ об опасности, мнимой или настоящей, прозвучал уже второй раз, а я не успела расспросить об этом Е Сяо. Наступил и ушел в прошлое день похорон Ли Юн Хуан. Е Сяо стоял рядом с ро-

дителями и родственниками Ли Юн и даже не обернулся ко мне, когда церемония подошла к концу. Я уже давно перестала вникать в суть действия этого театра абсурда, но отношение Е Сяо оказалось последней каплей. Расстроившись, я даже не пошла на поминки. Прошло еще дня три и вот ночью, примерно часа в два, у меня вдруг зазвонил телефон.

Вернее, началось опять все со См-с. «Он не стоит тебя, и поэтому он погибнет. А ведь ты могла спасти его!». Девять раз приходило ко мне это См-с. Кто бы ни был таинственный отправитель, жестокости было ему не занимать и, по-моему, он был безумен.

У меня был телефон Е Сяо, однако, как я не старалась, трубку никто не поднял. Конечно же, я знала, где жил мой бывший одноклассник. Е Сяо жил со старенькими родителями, которые не чаяли в нем души. Кружа по комнате, я никак не могла решить, что же мне делать. Ехать к Е Сяо домой? А вдруг все нормально, и я просто перепугаю пожилых людей!? Но и не поехать я не могла, мысль, что я каким-то образом замешана в кошмаре, который происходит вокруг меня, не давала мне покоя. Правда, было бы хорошо, если бы, хоть кто-нибудь все-таки объяснил, в чем я виновата. Решившись, я оседлала железного друга, велосипед, и двинулась в путь. Е Сяо жил в соседнем хутуне, и уже через пять минут я была около его дома. Окна комнаты Е Сяо мерцали мягким светом, однако окна родителей были темны. Побродив по двору, я, наконец, решилась и постучала в окно. Ни-

кто не отзывался. Конечно, Е Сяо мог заснуть под телевизор и не услышать меня, однако уехать, не разобравшись, я уже не могла. Подойдя к домику, я тихонько постучала. Не дождавшись ответа, я постучала вновь, но результат был тот же. Никто не отвечал. Толкнув дверь, ибо она была не заперта, я вошла. Переходя из комнаты в комнату, я стучала во все двери, прежде чем войти, но комнаты были пусты. Последняя комната была открыта, оттуда лился свет. Кресло, где сидел человек, находилось по центру. Вокруг него стояли телевизор, ноутбук и сотовый телефон на подставке. Сотовый был в центре. Все три прибора светились одинаковым, молочно-голубым, цветом. Когда я вошла в комнату, Е Сяо был еще жив. Как я теперь понимаю, его спасли бусы из нефрита, которые были на шее (благослови Будда новую мужскую моду). Мне показалось, что на всех трех экранах я видела женское лицо, но стоило мне зайти, как все три источника изображения покрылись голубой рябью. Я остановилась перед другом, но Е Сяо даже не думал ко мне поворачиваться.

– Зачем ты пришла, – огорошил меня вопросом Е Сяо, голос его звучал сонно, – мне было так хорошо!

– Я пришла тебя спасти! – ответила я, однако уверенности в моем голосе не было.

– Моя кукла, – вдруг закричал Е Сяо совершенно детским голосом, – не забирайте мою куклу! Почему сестре можно иметь куклу, а мне нет?

Я подскочила к Е Сяо и начала его трясти. Однако парень

все больше и больше впадал в блаженный транс.

Вдруг в тишине я услышала приглушенные стоны. Сорентировавшись, я пошла на звук и нашла в пристройке двух связанных стариков. Рты у них не были заткнуты, но они были так слабы, что уже даже не могли стонать. Освободив стариков, напоив их чаем и согрев, я хотела вызвать полицию, но они мне этого не разрешили. Говорила мать, отец потерял дар речи, онемев от горя.

– Не упрекайте его, Е Сяо всегда был чудесным сыном, преданным, добрым, послушным. Странности с ним начались в ночь смерти невесты. Из его комнаты все время слышались звуки разговора, песни, а однажды даже звуки драки. Однако когда мы заходили к сыну, чтобы благословить его на крепкий сон, все оказывалось в порядке. Сегодня с утра, не переставая, звонил телефон.

А потом произошло вот что, в комнату родителей, не постучав, зашел сын. Он был возбужден и полон решимости. Е Сяо разговаривал детским голосом, и требовал свою куклу. Старики принялись взывать к его разуму, тогда сын неожиданно попытался убить их. Даже не так. Е Сяо изо всех сил боролся с внутренним убийцей, который приказывал ему разделаться с родителями, но борьба была не равной. С каждой минутой он все больше превращался в того маленького мальчика, чьи родители выбросили его любимую куклу на помойку. Черная и белая сторона боролись до изнеможения, и вышла ничья. Е Сяо связал родителей и вынес в при-

стройку. Он не смог убить их, но ночной воздух быстро сделал бы это за него. Ведь родители Е Сяо были уже очень стары. Мама несчастного молодого человека замолчала, молчала и я.

Вдруг из комнаты Е Сяо донесся крик, и я бросилась туда. Вбежав в комнату, я остолбенела и хотела броситься назад, но дверь за мной захлопнулась. Мне не оставалось ничего, как встретиться с ужасом лицом к лицу. Лучи от телевизора, ноутбука и сотового телефона скрестились на гигантской кукле, голова которой подпирала потолок. Помните, мне показалось, что на экранах я видела женское лицо? Я ошиблась. То, что я приняла за женщину, было всего лишь куклой. Крик Е Сяо не был криком боли. Е Сяо кричал от восторга. Называя куклу именем умершей невесты, он тянулся к ней всем телом. Взглянув на куклу, я поняла, почему восемь лет назад Е Сяо выбрал не меня, а Ли Юн Хуа. Лицо куклы было грубо намалеванной копией моей подруги. Кукла шарила руками по полу и расшвыривала мебель, а глаза ее незряче смотрели в пустоту. Е Сяо кричал, махал руками, кидался кукле под ноги, но все было тщетно. Кукла аккуратно обходила его, но в то же время отчаянно искала. Я уже решила, что все обойдется. Все будет как в сказке, утром запоет петух и нечистая сила сгинет! Но не тут-то было. Театр ужасов набирал силу. Вдруг, тоненько закричав, Е Сяо рванул нефритовые бусы с шеи. Бусины посыпали на пол, а кукла вдруг прозрела. Наклонившись над Е Сяо, она неж-

но взяла его на руки. Но ее объятья не имели ничего общего с материнскими. Это было объятья любовников. Кукла прижимала Е Сяо все сильнее и сильнее к себе. Хрустели и ломались позвонки, легкие лопались от недостатка кислорода. Однако с лица Е Сяо так и не сошла улыбка счастья. Смотреть на это не было сил. Когда все стихло, я открыла глаза. Огромная и ужасная кукла исчезла, а Е Сяо лежал на своей кровати и прижимал к груди маленькую куколку с лицом Ли Юн Хуа. Казалось, что он спит. Оглянувшись, я увидела, что мать, которая стояла в дверях все это время, идет ко мне.

– Мы никому не расскажем об этом, – сказала она, посмотрев мне в глаза и направившись к кровати сына, – он теперь со своей куклой.

Бережно укрыв сына, и расправив оборки на ярком платице куклы, она отправилась к отцу, чтобы сообщить ему скорбную весть.

Встреча с полицией во второй раз за неполные две недели, была мне не по силам, и я решила потихоньку уйти. Уже в дверях я встретила взглядом с матерью Е Сяо, женщина тихонько кивнула мне и отвернулась.

Да, забыла рассказать. Уходя из комнаты, я бросила взгляд на телевизор. С ним произошла та же история, что и с мобильным телефоном Ли Юн Хуа. Он почернел и спекся, так же как ноутбук и мобильный телефон. На всем белом свете у меня было только два человека, которым я могла рассказать все; моя подруга и мой школьный друг, и вот теперь

их не стало, и в этом была виновата я. Корни их проблем, так же, как и источник моих бед, тянулись из детства

За одиннадцать месяцев до начала истории

То, что моя жизнь находится под чужим, пристальным контролем я поняла еще в детстве. Жалобы, обиды, слезы – ничего не помогало, мои родители не желали слушать меня. Отец не забыл то, что произошло с ним в детстве, но, тем не менее, не верил мне. Ведь поверить, значит открыть врата в сверхъестественное, а мой отец был на редкость рациональным человеком. Были еще дедушка и бабушка, но я побаивалась их, хотя ко мне они относились прекрасно. Просто, мне было жалко родителей. Сильный скандал случился после того, как я упала в обморок прямо посреди комнаты дедушки и бабушки. Перед этим я три ночи не спала и кажется, не ела, хотя мама исправно накрывала на стол к завтраку, обеду и ужину. Но до обморока довела меня последняя ночь. Однако начну с первой поступи ужаса. Все события и воспоминания свежи до сих пор, хотя думать об этом страшно. В девять часов мама и папа вошли, чтобы пожелать мне спокойной ночи. Зная, что помощи от них ждать бесполезно, я только натянуто улыбнулась и кивнула. Сказать что-либо я побоялась, голос обязательно бы меня выдал. К десяти часам в доме стало тихо. Во дворе еще галдела детвора, и слышен был стук костяшек маджонга, несколько человек пело, кто-

то стучал мячом о стену дома, стоял гул голосов, а у меня в комнате было тихо. К одиннадцати двор опустел. К двенадцати уже нигде не было слышно ни звука, и тут в комнату вполз ужас. Вначале были только звуки, плакала маленькая девочка. Я не могла понять ни слова, девочка говорила очень быстро и на незнакомом мне диалекте. Звуковой кошмар повторялся из часа в час, пока я не поняла, что девочка совершила какую-то оплошность и молит о пощаде. Потом послышался звук удара и новые мольбы девочки. Чем больше просила о пощаде девочка, тем более зверели ее палачи. В конце концов, плач стих, сменившись хрипами и стонами. В тот день, когда я первый раз услышала этот звуковой кошмар, я с криком убежала в комнату родителей. Встревоженные мама и папа вернулись вместе со мной в детскую, но ничего не слышали, хотя для меня этот радиоспектакль ужасов продолжался. В первый раз родители отнеслись ко мне с сочувствием, второй раз с недоумением, в третий раз отец обозвал меня лгуньей. О том, чтобы переночевать в комнате родителей и речи не было. Когда я прибежала к родителям в четвертый раз, меня наказали и велели больше никогда не поступать таким образом. Неведомый мучитель издевался надо мной особенно изощренно в те дни, когда я взывала к помощи. Как только родители уходили, начиналось повторение самых жутких отрывков из уже услышанного. Особенно мучителям нравилось повторять момент, которого я так боялась. Самым страшным были последние часы девочки.

Обладая живым воображением, мне ничего не стоило представить, как девочка теряет сознание. Вошедшего во вкус мучителя не удовлетворял такой исход дела, и он подзывал слугу с ведром холодной воды. Через несколько секунд слышался слабый стон девочки. Она пришла в себя. Те пытки, которые, видимо, доставляли несказанное удовольствие неведомому господину, я пересказать не решусь. Три дня, когда я была не в себе, не ела и не спала, были заполнены ежеминутными звуками побоев, криков ярости, стонами, криками боли, мольбами, и закончились, как я уже говорила, моим обмороком. Когда я пришла в себя, то, спрятавшись за бабушку, долго наблюдала странную картину. Дедушка ругал папу. До этого момента я никогда такого не видела. Слышались выкрики отца «Она лгунья!», спокойное увещевание деда, и его просьбы вспомнить себя в детстве. Чем больше распалялся отец, тем спокойнее становился дедушка. Вдруг его голос понизился до шепота. Мне стало страшно. Видимо так же страшно стало и отцу, потому что он вдруг успокоился и прошептал что-то про себя. Реальный страх дедушки и отца был столь ужасен, что когда, в конце концов, я вернулась в свою комнату, то перестала обращать внимания на звуковой беспредел. Всегда ужасно, когда взрослые люди, в чье могущество ты веришь безгранично, оказываются простыми смертными и начинают чего-то бояться. Пережив страх за своих родных, я перестала бояться неведомого, и звуки прекратились. Следующая пытка началась через

неделю. Лишь только я ложилась в постель, дверцы шкафа начинали скрипеть. Я вскакивала и вглядывалась в темноту. Темень стояла такая, что я не видела собственных рук. На минуту повисала тишина, чтобы смениться увесистыми шагами, от которых начинала содрогаться вся мебель в комнате. Спрятавшись под одеяло, я шептала сама себе: «Этого всего нет, мне только кажется», «Этого всего нет...». Дойдя до моей кровати, шаги стихали, слышалось сиплое дыхание. Меня обдавало нечистым воздухом. Как будто человек, невидимый мне в темноте, наклонялся все ниже и ниже. В тот момент, когда казалось, что еще чуть-чуть, и я умру от страха, все прекращалось. В комнате воцарялась полная тишина, чтобы через несколько минут внезапно содрогнуться от визгливого голоса неведомой женщины; «Сколько можно повторять, – кричала женщина, – обувь надо оставлять перед дверью. Перед дверью, слышишь, перед дверью». Далее слышался характерный звук оплеухи и детский плач. Только на этот раз предметом издевательств кажется, служил мальчик. И такой кошмар продолжался всю ночь. Я опять перестала, есть и естественно не спала. Однако наученная горьким опытом, даже не пыталась рассказать родителям о возобновлении ночных кошмаров, но к счастью, на этот раз, бабушка с дедушкой были начеку. Ничего не объясняя родителям, дед велел перенести мою кровать в свою спальню. В детскую комнату я заходила теперь только днем, чтобы поиграть или сделать уроки. Кошмары закончились. Спала я в комнате

дедушки и бабушки до четырнадцати лет. Мама, давно уже не одобрявшая эту затею, однажды не выдержала. В китайских семьях не принято перечить старшим, но в этом случае дедушка был вынужден согласиться. Я уже выросла и должна была спать отдельно. На следующий же день после водворения меня в детскую кошмары начались снова. Только теперь, так как я вступила, в очень важную для каждой девушки Китая эпоху, эпоху созревания, начались кошмары с сексуально садистским уклоном. Сейчас мне двадцать один и у меня до сих пор нет парня. Вспоминая звуковые уроки юношества, я даже мысли не могу допустить, что останусь когда-то наедине с чужим мужчиной в спальне, и он будет проделывать со мной то, что я слышала каждую ночь с четырнадцати до восемнадцати лет. Кошмар, о котором я писала, продолжался непрерывно четыре года. В восемнадцать все внезапно закончилось. И вот теперь, целую неделю, я опять, как в детстве, не знаю под какое одеяло спрятаться, что бы ни видеть и не слышать того, что происходит вокруг. Только теперь рядом нет добрых дедушки и бабушки. Некому отереть и осушить мои слезы, выслушать мои жалобы и оставить ночевать в своей комнате. Утром, вечером и в обед меня преследуют странные См-с. Мне страшно, но я обманываю себя, что этого всего нет. Выходные – это кошмар. Но к счастью на работе я обо всем забываю. Нам запрещают пользоваться в течение дня сотовыми телефонами. Я работаю в Пекине, на фабрике нефрита. Вечером, возвращаясь на велосипеде

домой, я вспоминаю о сотовом телефоне, но не включаю его, пока не въеду в свой хутун. Я живу в этом хутуне последние недели. По генеральному плану на месте нашего хутуна через полгода будет стоять отель. Я перееду в новую квартиру, она будет далеко отсюда, и кого-то из своих соседей я больше не увижу никогда. Ведь Пекин город очень большой. Но, я не грущу, а уж тем более не ропщу. Кто я такая, чтобы спорить с теми, кто с отцовской заботой управляет нашими жизнями. Мне только больно, что мои дети, которые у меня, наверное, будут в будущем, не увидят этот дворик, не сделают свои первые шаги по этой, утрамбованной ногами многих поколений, земле. Я знаю только о восьми коленах моей семьи, которые жили до меня здесь, а о скольких я не знаю! Дорога до дома занимает около часа, это если ехать на велосипеде. На метро быстрее, но это дорого и неудобно – пересадок много. Линией метро я пользуюсь очень редко, только в крайнем случае. Но я отвлеклась, надо что-то решать с эти-ми См-с. Незнакомый корреспондент терроризирует меня уже две недели. Особенно тяжело и страшно по ночам и в выходные дни. Первые два дня после начала См-с атаки, я была в недоумении, на третий день решила обратиться в полицию, но оказалась в глупом положении. Обратившись к инспектору полиции, я рассказала обо всем. Меня внимательно и с сочувствием выслушали, но когда дело дошло до См-с, в папке, с посланиями от анонима, ничего не оказалось. Можно представить, что подумал обо мне полицейский, и с каким

лицом я покидала полицейский участок. Я живу одна. Мои близкие, чей род идёт от древних императорских фамилий, были достойными людьми. Вечером, когда жители нашего хутуна собираются во дворе, я ищу среди играющих в маджонга, по-военному прямую спину дедушки, и каждый раз расстраиваюсь, вспомнив, что его больше нет. У меня много родственников по всему Китаю, но здесь, в хутуне, я живу одна. И поэтому, как только всё вокруг затихает и лишь луна зловеще подсматривает в мое окно, я закрываю голову подушкой, чтобы не слышать звоночков См-с, непрерывно следующих один за другим. «Ищи себя в прошлом. Ищи скорей или я найду тебя! Я уже близко!», «Вспомни детские ужасы», «Я, ветка, которая стучит в окно в полночь. Ищи, иначе окно окажется разбитым». Это лишь самые безобидные из посланий. Остальные пересказать не осмеливаюсь, уж очень мне страшно!

Вчера, на фабрике, администратор зала долго выясняла, что за посторонние звуки доносятся из женской раздевалки и если это звук телефона, то кто из работников осмелился оставить телефон включенным. Приближался пятиминутный перерыв. По настоянию администратора нам следовало использовать перерыв на то, чтобы разобраться со своими телефонами. Недовольство администратора – это не простой каприз. Нефрит – камень императоров. В древности иметь его могли только сам император, его домочадцы и особо отличившиеся приближенные. Простолюдинам грозила смерт-

ная казнь за обладание даже маленьким нефритовым камешком. Не знаю, как в других странах, но у нас, в Китае, нефрит по-прежнему ценится высоко. Изделия из настоящего нефрита стоят дороже, чем золото. И поэтому аппараты, обрабатывающие нефрит тоже стоят баснословно дорого. Во-первых, потому что во время работы они соприкасаются с божественным камнем. Вторая причина... Вторая причина, наверное, более близка к действительности. Нефрита обрабатывающая аппаратура делается на тех же заводах, где изготавливают детали для космических кораблей. Она сделана на основе сверхновых и сверхточных, секретных технологий. Одна настройка этой аппаратуры занимает около месяца. Как вы уже, наверное, догадались, каждая бусина из нефрита стоит целое состояние и поэтому сбой аппаратуры – это настоящая катастрофа. Я не знаю, как работать на этих аппаратах, никогда не была в рубке управления. Чтобы туда попасть, нужен особый допуск. Но подозреваю, что управляется аппаратура чем-то похожим на радио волны. А они, как вы знаете, очень неустойчивы. И поэтому, каждое утро нас предупреждают по громкой связи, что использование на территории фабрики ноутбуков, телефонов и прочей аппаратуры грозит большим штрафом, вплоть до увольнения. Даже транзистор на батарейках нельзя включать. А также, убедительно рекомендовано, до и после работы, пользоваться лазерной, тепловой и душевой кабинами. И эти предосторожности оправданы. Невидимый глазу мусор, нечаянно зане-

сенный на волосах или одежде, способен вывести из строя высокоточную аппаратуру надолго. Когда звонок возвестил перерыв, я бросилась в раздевалку. Бросилась в раздевалку, хотя точно помнила, что, перед тем как переодеться и войти в камеру тепловой обработки, выключила телефон. Следом за мной в раздевалку вбежала стайка моих соседок по цеху. Девушки, смеясь и переговариваясь, бросились к своим шкафчикам. Вздох облегчения пронесся как ветер и чуть не сбил меня с ног. Вернее, это девушки, ставшие от облегчения легкими как пушинки, едва не сбили меня с ног. До конца перерыва оставалось еще три минуты, и девушки ринулись отдыхать. Вскоре я осталась в раздевалке одна. Было тихо и в этой тишине стало ясно слышно, как непрерывно работает мой телефонный аппарат, захлебываясь см-с. Это при всем притом, что я, до мельчайших подробностей помнила, как выключала свой телефон перед работой, а потом еще вернулась, чтобы перепроверить.

Выключив телефон, и закрыв шкафчик, я пошла в цех. Пять минут истекло. Надо работать. День покатился по наезженной колее. Руки делали свое дело, а голова в этом не участвовала. Мысли мои были далеко. Я вспоминала события месячной давности. Когда в августе дедушка объявил мне, что они всей семьей (не считая меня) отправляются в путешествие, ничего не ворохнулось во мне, никакие тревожные предчувствия не замутили мои глаза. Я довольно точно предчувствую всякие опасности и неприятности, под-

жидающие членов моей семьи, но в этот раз мой внутренний голос молчал. Я спросила дедушку о маршруте, но он предпочел сделать вид, что не слышит мой вопрос, а я не посмела задать тот же вопрос снова. Так не принято. Если бы было нужно, дедушка сам бы посвятил меня в свои планы. К отцу я даже и не подумала обратиться. Если с матерью я кое-как худо-бедно еще общалась, то с отцом отношения так и не нормализовались. События детства продолжали довлеть над нашими отношениями. Вбив себе в голову то, что я лгуныя и притворщица, отец так и не поменял свои взгляды. Сейчас уже все равно ничего узнать невозможно, но мне кажется, что, что-то подобное происходило в детстве и с ним. Но бог с ним, я не держу зла на своих родителей, тем более что злиться больше и не на кого. Насколько я знаю, последним пунктом турне по городам Китая был город в провинции Сычуань. Вернее, даже не так, в планах моей семье не стояло посещение этого города, но на этом настояла моя двоюродная бабушка Линь. Кстати меня называли в честь нее, у меня тоже имя, Линь. Я готовилась к торжественному возвращению родных, когда по телевизору сообщили, что в провинции Сычуань произошло землетрясение. Но и в этот раз меня не посетило никакое предчувствие. Конечно же, вместе со всем Китаем я скорбела по погибшим, но не знала, что это горе коснулось и лично меня. Тетушка Линь выжила, она то и сообщила мне о гибели всей моей семьи. Вот так я стала сиротой. И мне не к кому будет прийти на кладбище в празд-

ник Цинмин. Землетрясение произошло девятого сентября, сейчас десятое октября. Я живу в хутуне, который готовят под снос, и меня преследует анонимными см-с неизвестный психопат, который знает о странных событиях, которые происходили в моей детской комнате, когда я была совсем маленькой.

В ту ночь, когда я осталась по-настоящему одна, когда я оплакивала безвременно ушедших, мой преследователь снова послал мне см-с. «Тебе придется ответить за всех», вот что написал мне этот недочеловек. В который раз я попыталась позвонить ему и сказать все, что я о нем думаю, но когда набрала номер, состоящий из девяти нулей, услышала то, что и ожидала услышать. «Набранный вами номер не существует» раз за разом радостно сообщал мелодичный девичий голос. На следующий день пришел старший по хутуну. Он выразил мне соболезнование и сообщил, что надо потихоньку собирать вещи. Ордера на новую квартиру будут раздавать месяца через два. Похлопав меня по плечу, он ушел. А я осталась, попытавшись осмыслить второй удар, который постиг меня за такое короткое время. Как я уже говорила, в моем хутуне жило не меньше восьми поколений семьи Лин. Мой род очень древний. Настолько древний, что его следы теряются в прошлом и нет никакой надежды пройти по этим следам и выйти к истокам. Раньше весь этот хутун принадлежал одному из моих предков, вернее его семье. После культурной революции дедушка решил, что для его семьи цело-

го хутуна многовато и согласно планам партии подал заявку о том, что согласен на уплотнение. Семья Лин занимала теперь только один домик, а в остальных поселились еще три семьи. Более того, когда великий председатель, чтобы подчеркнуть заслуги дедушки, предложил ему вместе с семьей переехать в новый, только что отстроенный, многоквартирный дом со всеми удобствами, дедушка отказался. Он считал, что в Пекине есть более достойные, чем он, люди. Вот таким был мой дедушка. Таким же он вырастил и моего отца. Если бы моя будущая квартира находилась, где-то в этом квартале, недалеко от того места, где прошло мое детство, мне было бы легче! Но вряд ли это возможно.

Чжан Ли

Размышляя о прошлом и будущем, я так глубоко ушла в свои мысли, что просто подпрыгнула на месте, когда на мое плечо опустилась рука. Рядом со мной стоял, и с любопытством смотрел на меня, начальник смены. Оказывается, он уже устал окликать меня.

– Линь, но нельзя же так! Я, конечно, понимаю твое состояние, но надо все-таки, как-то, потихоньку возвращаться к жизни. Я зову тебя, зову...

– Что случилось, господин Фань?

– Там, внизу, тебя ждет парень.

– Какой парень, – испугалась я, – у меня нет никого парня!

– Ну, тебе виднее, – засмеялся Фань, – что у тебя есть, а чего нет! Так как смена твоя заканчивается через полчаса, я посоветовал ему подождать тебя на проходной.

– То есть как, посоветовали? Вы его видели?

– Нет, ты сегодня совершенно невозможна! Зачем мне его видеть? Я разговаривал с ним по телефону.

И ворча что-то себе под нос, Фань пошел вглубь цеха. Я же стояла, оцепенев, слова Фаня привели меня в полный ступор. Мне стало страшно, но оглядев многолюдный цех, я постепенно успокоилась. Убедив себя, что ничего страшного мне не грозит, я так же механически закончила свои дела. Пройдя все обработки и приняв душ, я оделась и на лифте

спустилась вниз. Сердце мое колотилось как безумное, мне хотелось, как можно скорее увидеть неведомого визитера, и в то же время я хотела оттянуть время встречи. Дверцы лифта разошлись, и я вышла. Обратившись к охраннику, я получила нужную информацию. Впрочем, если бы я захотела, то увидела бы того, кто ждал меня без всякой подсказки. Кроме него в холле никого не было. И... Мне кажется, что сердце подсказало бы мне, что это он, и без всякой посторонней помощи. А также, мне кажется, что он тоже узнал меня. Потому что он двинулся в мою сторону, как только увидел меня.

– Госпожа Лин-учтиво обратился он ко мне, – я друг вашего троюродного брата Вана. Узнав, что я направляюсь в Пекин, ваш брат попросил передать вот эту маленькую записочку.

Я не помнила никакого троюродного брата Вана, но у меня было такое количество родственников, разбросанных по всей поднебесной, что можно было кого-то и не упомянуть. Поэтому, не желая выглядеть в глазах такого красивого парня забывчивой дурочкой, я серьезно кивнула ему в ответ и подтвердила, что помню брата Вана и благодарна за посылку. Визитер хотел еще о чем-то рассказать, но тут внезапно посыпались звоночки. Поток см-с возобновился. Сотовый снова включился сам по себе. Что-то такое, видимо, промелькнуло на моем лице, потому что Чжан Ли тут же шагнул ко мне с озабоченным лицом.

Я видела этого парня впервые в жизни и наверно именно поэтому рассказала ему все. Слова лились из меня потоком. Я не думала о том, какое впечатление произвожу на этого человека, просто говорила и говорила.

Закончив свой рассказ, я впервые в упор посмотрела на Чжан Ли. До этого момента я стеснялась его разглядывать. Удивительно то, что после всего того бреда, который я вылила на голову этого парня, он еще оставался здесь. Даже бабушке я никогда не рассказывала так подробно о своем неведомом мучителе. Так разговаривая, мы и добрались до хутуна. Когда мы подошли к воротам сихуаня, мне показалось, что я знаю Чжан Ли очень давно, хотя с того момента, как мы встретились в воротах фабрики, прошло не больше двух часов. Мне не хотелось расставаться с Чжан Ли, но и привести его к себе домой я не могла. Я знала, что мои родные, озабоченные тем, что у меня еще нет парня, были бы не против, но сейчас, когда их не было со мной, я просто не могла привести в дом чужого человека. В моем понимании это было бы равносильно предательству. Может быть, потом, позже, когда, и если, я узнаю Чжан Ли получше, то осмелюсь пригласить его домой. Мы топтались перед воротами сихуаня и молчали. Заметив мой смущенный взгляд, Ли быстро принял решение. Он пригласил меня в кафе и мне, как уже не раз за эти два с половиной часа, показалось, что он читает мои мысли. Стоило мне о чем-то подумать, как он тут же высказывал мои мысли вслух. Мы двинулись прочь

от ворот сихуаня и, честно говоря, вовремя, вездесущие соседи поглядывали на нас с любопытством. На улицы Пекина быстро спустился вечер. Вокруг зажглись огоньки и фонарики. И хотя сегодня был обычный вечер, мне казалось, что каждый звук, каждая краска, добавленная в палитру вечернего города, каждый яркий фонарик имеет огромное значение. Каждый раз, когда девушки, сидящие за столиками, поворачивались в сторону Ли и хихикали, у меня падало сердце, мне казалось, что в такие моменты Чжан Ли сравнивает меня с окружающими. Но, конечно же, я была не права, Чжан был озабочен только моими проблемами и говорил только обо мне. Между прочим, он предложил мне довольно легкое решение моей проблемы. Я выслушала его и вздохнула, и почему эта идея не пришла в голову мне? Чжан Ли предложил мне купить новый сотовый телефон, и сменить номер. Вот так, простенько и со вкусом. Вечер закончился невероятно быстро. Когда до моего дома оставалось всего ничего, мои мозги, наконец, заработали, и я придумала, как, не уронив своего достоинства сделать так, чтобы завтра снова состоялась наша встреча с Ли. Ведь было бы верхом неблагодарности, если бы я не передала с Чжан Ли ответную посылочку. Мама Вана, моя троюродная тетушка, не помню ее имени, (хотя Чжан Ли несколько раз назвал его мне), передала изумительный чай. Его делают только в той провинции откуда Чжан Ли родом. Такого чая я не пила никогда, хотя благодаря маме я могу назвать себя знатоком в искусстве

чайной церемонии.

Утро началось с неприятности. Я спала крепким спокойным сном, когда на кухне раздался страшный шум, и я проснулась от звона посуды. Ворвавшись в помещении кухни, я увидела, что вся посуда дребезжит и прыгает, а любимый чайный сервиз дедушки лежит на полу, разбитый вдребезги. Ветер свободно входил туда-сюда, в разбитое окно. Я стояла посреди кухни и удивлялась сама себе. Произошло такое чудовищное происшествие, а я по-прежнему спокойна и не плачу. Дело в том, что окна моего дома, так же, как и остальных трех домов, выходят только внутрь двора. Такова особенность почти всех дворов, которые находятся в хутонах. Значит, разбить окно мог только кто-то из соседей. Это привело меня в такое негодование, что я уже совсем было собралась идти разбираться с обидчиком или обидчиками, когда очевидная мысль вдруг заставила меня остановиться. Сосед мог разбить окно, но сервиз стоял достаточно глубоко. Он был задвинут в чайный шкаф и спрятан в несколько коробок наподобие самой маленькой матрешки. Так велика была ценность этого сервиза. Тот, кто бросил камень в окно, должен был как-то попасть в кухню, это притом, что, даже в разбитом виде, окошко кухни не могло вместить маленького ребенка, не говоря уже о взрослом. Я бросилась к входной двери, но там было все так, как я оставила, закрываясь на ночь. Впрочем, в нашем хутуне задвижки на дверях домов всегда были делом чисто символическим. Мы не привыкли

прятаться от соседей. Задвижки служили скорее оберегом от злых ночных духов.

Вернувшись в кухню с совком и веником, я наклонилась над осколками и остолбенела. Всюду лежали маленькие са- модельные фонарики. Я не заметила их сразу, потому что они были примерно такого же цвета как осколки от сервиза. Вскрыв фонарик, я с ужасом обнаружила записку, спря- танную внутри. «Гони этого человека от себя. Я всегда наче- ку и приду к тебе, если не уйдет он. Чашки – это предупре- ждение. Твоя голова разлетится на такие же осколки, если не сделаешь то, что я велю».

Приглядевшись, я увидела, что фонарики засыпали весь пол кухни как ковер. Когда я уходила за веником, фонари- ков не было, иначе я бы заметила их. Сев на пол, я зарыда- ла, а потом завывала в голос. От приподнятого романтического настроения, естественно, не осталось и следа. Я поняла, что мои ночные кошмары все больше и больше обретают зримую форму. Конечно же, никто из соседей не мог поступить так со мной. В своей массе они были очень милыми людьми, ко- торые жалели меня и сочувствовали моему горю. В шесть утра я как всегда вышла из ворот сихуаня. Садясь на вело- сипед, я увидела спешащего ко мне человека. Мой сердце упало – это был Чжан Ли. Он запыхался, боясь опоздать, хо- тя мы не договаривались о встрече. Чжан Ли пришел, чтобы проводить меня на фабрику. Отдав ему велосипед дедушки, мы влились в поток спешащих на работу людей. Я молчала,

молчал и он. Я привыкла молчать, а для него видимо молчание было невыносимым

– Линь, что случилось? У вас припухшие глаза!

Я хотела отшутиться, но, конечно же, не смогла удержать-ся, и все рассказала. Удивительно, как я еще не расплакалась. Хороша же я была бы! Со стороны могло бы показаться, что мой рассказ Ли совершенно не тронул, однако еще со вчерашнего дня, я уяснила одну маленькую деталь характера этого человека. Чем сложнее был вопрос, тем спокойнее и отстраненнее становился Чжан Ли. В остальном он был очень эмоциональным и остроумным человеком. Уже подъезжая к фабрике, я услышала в голове плач ребенка. Меня обуяла тоска, обещание ненавистного преследователя претворялись в жизнь. С Чжан Ли я договорилась встретиться вечером. Утром следующего дня он планировал отправиться восвояси, поэтому подарочек троюродной тетушке и брату я должна была передать сегодня, а сделать это я смогу только после работы. Площадка перед фабрикой опустела, а Чжан Ли все еще медлил не отпуская мою руку. Наконец, неловко улыбнувшись, он выдавил из себя

– Знаешь, я наверно завтра никуда не поеду. Могу задержаться до понедельника. Завтра суббота и мы с тобой пойдем на прием... к врачу. Тебе нужно попить успокоительные лекарства. У вас врачи принимают по субботам?

На смену я опоздала. Это произошло первый раз в жизни. Я так обиделась на Чжан Ли, что из-за нехватки воздуха на-

чала задыхаться. Комок, образовавшийся в горле, не давал воздуху проходить свободно. Чжан Ли бросился ко мне и попытался помочь. Но сделал это так неловко, что я оттолкнула его. В результате воздух поступил все-таки в мои горящие огнем легкие, но Чжан Ли оказался на земле, и разбил себе бровь. Извиняться друг перед другом мы начали одновременно. Чжан Ли долго объяснялся и жалел меня, потом я жалела его. В результате, как я уже говорила, произошло опоздание. Чжан Ли уехал, пообещав встретить меня вечером, а я вошла внутрь. На первый раз администрация цеха ограничилась выговором, но весь день я ловила на себе недовольные взгляды руководителей высшего звена и любопытные взгляды моих соседок по цеху.

Врач умер

Утро настало внезапно и сопровождалось повседневными шумами. Слава богу, никакая потусторонняя чертовщина не потревожила сегодня мой сон.

Чжан Ли ждал меня у выхода из хутона, и мы отправились к врачу, который принимал на дому. Прием к нему стоил больших денег, но зато к нему не было очереди, и он принимал по выходным. Однако, несмотря на все плюсы, Чжан Ли в кабинет к врачу вместе со мной не пустили. Строгая секретарша указала Ли на диванчик в приемной. Я никогда не была у врача, который лечит нервы. В детстве, когда со мной происходили чудовищные события, о которых вы уже знаете, мама пыталась несколько раз отвести меня к детским специалистам, но дедушка и отец в два голоса запретили ей это делать. Чем уж они мотивировали этот запрет, не помню, хотя, на мой взгляд, мне вряд ли мог помочь тогда врач, но я, по крайней мере, смогла бы выговориться. Объяснив через пень колоду проблему, которая меня мучила, я опустила голову вниз. Мне стало страшно и вдруг показалось, что сейчас врач закричит на меня голосом отца: «Лгунья, ты все придумала! Иди в свою комнату и не выходи оттуда неделю!» В кабинете повисла такая тишина, что казалось ее можно резать ножницами. Наконец, я подняла голову и встретилась с внимательным взглядом врача.

– Да, странная история, – глядя мне в глаза, проговорил доктор, – я был бы вам благодарен, если бы вы повторили эту историю еще раз, но не так быстро и эмоционально. Не волнуйтесь. У нас уйма времени. Давайте начнем все с начала. Можете рассказывать с того момента, где остановились. Помните, все детали важны, а вот эмоций может быть и поменьше. Итак...

Но чем больше я рассказывала, тем более рассеянным становился доктор. Казалось, что он силится запомнить хоть что-то из того, что я рассказываю, но мои слова пролетают мимо, не задерживаясь в его памяти. На пятом повторе я остановилась. Что-то было не так. В комнате потемнело. Выглянув в окно, я увидела залитую солнцем мостовую, а здесь, в кабинете у доктора, ощутимо похолодало. Не глядя на меня, врач встал и включил свет. Но лампочка не смогла разогнать тьму, сгустившуюся в помещении, и освещала лишь пяточек над столом. Доктор ходил по кабинету, меряя комнату шагами. Я ждала его приговора, затаив дыхание.

– Я не буду заставлять вас рассказывать всю историю заново, хотя кое-что, мне, по-прежнему, остается неясным, – вздохнул мужчина, – я попробую погрузить вас в гипнотический сон. Вы, когда-нибудь подвергались такой процедуре?

Я ответила доктору, но кажется, он меня даже не услышал. Кушетка была такой мягкой, что я просто провалилась в нее. Уже уходя в гипнотическое небытие, я подумал: «Какая неприятная кушетка, погружаясь в нее, будто тонешь.

И как я буду выбираться из ее влажных, кожаных объятий, когда проснусь?» Я не знаю, сколько прошло времени, но пришла я в себя от истошного женского крика. Как я узнала позже, это кричала секретарша. Вероятно, доктор не успел погрузить меня в самые глубины гипнотического сна, иначе так легко я вряд ли пришла в себя. Позже Чжан Ли рассказал, что прошло около полутора часа, когда секретарша решила, что сеанс длится необычайно долго и аккуратно заглянула в кабинет. С первого взгляда ей показалось, что в комнате никого нет. Удивившись, она уже более смело вошла в комнату. Меня она увидела не сразу, я совсем утонула в глубинах кушетки. Разобравшись с клиенткой, она решила, что неплохо бы разобраться куда же делся врач. Но лучше бы она не задавала себе такой вопрос. Доктора она нашла, много усилий для этого ей не пришлось затратить, но результат вряд ли ее вдохновил, скорее наоборот. Я думаю то, что она увидела, отпечаталось в ее мозгу надолго, если не всю жизнь. Увидев край белого халата, торчащего из дверцы шкафа (боже мой, опять шкаф), она небрежно дернула дверцу на себя. Доктор был там. Его лицо исказила гримаса страха, руки так судорожно зажали детский автомобильчик, что вынуть его, полиция, приехавшая через пять минут, не смогла. Доктор был мертв, а причиной его смерти, вероятно, была опять я.

Полиция пока ни к какому выводу не пришла, но я-то знала правду. Я подписала смертный приговор этому человеку, в тот момент, когда только вошла в его дверь. Я поня-

ла это, когда получила очередную см-с. После изнурительного допроса в полиции, я еле доползла до кровати и начала погружаться в пучину сна, однако не прошло и десяти минут как сигнал см-с вырвал меня из спасительного забытья. «Никогда не делай этого» гласил текст. Сон, как рукой сняло, часы шли за часами, а я сидела на кровати, твердила раз за разом слова см-с и качалась в такт безжалостным словам. Чжан Ли тоже подвергся допросу и хотя многого он сказать не мог, ему велели не покидать Пекин до окончания следствия. На допросе присутствовал тот полицейский, к которому я обратилась несколько дней назад с просьбой отследить см-с маньяка. Следовательно, расследующий смерть доктора, хотел знать, связаны ли между собой мое первое посещение полиции и смерть доктора, но что я могла ответить?

На следующий день Чжан Ли принес мне новый телефонный аппарат и сим карту.

Показываю Пекин

Я была не в себе, и он строго, по телефону, заставил меня встать и одеться. Мне очень сложно кому-то сказать нет. Вот и в этом случае, стоило только Чжан Ли попросить меня показать Пекин, как я оделась и вышла из хутуна. Чжан Ли приехал из очень отдаленной провинции и город совершенно не знал и его желание побродить по самым значимым местам Пекина было понятным. Ведь Пекин-это сердце Китая и нет такого китайца, который не мечтал бы побывать в этом городе и походить по местам, окутанными легендами прошлого и настоящего. Мы решили не менять транспорт и потихоньку, на велосипедах, добрались до Парка Ихэюань – летнего императорского дворца, бывшего любимым местом прогулок опекунши предпоследнего императора Китая – императрицы Цы Си.

Мы остановились около очень красивого семнадцатилетнего моста Шицикунцяо. Возраст моста был более двухсот лет, а на его каменных столбах были вырезаны пятьсот шестьдесят четыре льва. Пролеты моста отражались в водах озера, создавая удивительно красивую картину. По рукотворному озеру Куньмин можно было прокатиться на вырезанной под старину ладье с головой дракона, но Чжан Ли не захотел

Мы любовались парком, павильонами, ивами и зарослями

уже отцветших лотосов. Фотографии этих мест вышли замечательно. В парке были расположены павильоны, в которых жил в заключении сын императрицы Цы Си, Гуан Сюй, чью власть она узурпировала. Опять очередные дворики, переходы, лотосы – все просто, но замысловато. В одном из павильонов были фотографии Гуан Сюя и его матери и замечательная панорама всего парка. Перед одним из павильонов стояли: скульптура оленя – символ карьерного роста, треножные вазы – символ богатства и благополучия.

Мы добрались до совершенно изумительной галереи Чан Лан с расписным потолком, рисунки которой не повторялись. Взобравшись на гору Ваньшоушань, где на высоте 58 метров был расположен храм Фосянгэ, мы походили по «Дворцу воскуривания благовоний в честь Будд».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.